

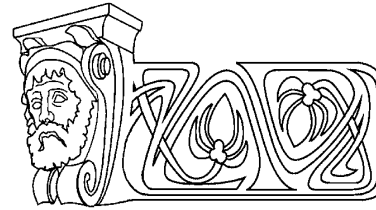

УДК 165.023

ИСТИНА-ЖЕНЩИНА: ОПЫТ ГНОСЕОЛОГИЗАЦИИ ЖЕНСКОГО

Л.Н. Шадрина

Волгоградская государственная сельскохозяйственная академия
E-mail: shadrinaln@yandex.ru

Статья представляет собой попытку автора переосмыслить философский символ «Истина-Женщина». Истина-Женщина не соблазняет философский ум, расставляя ловушки, и не поработцает его своей принудительностью. Любящая, она оберегает, освобождает и дарит творческое вдохновение тому, кто отвечает ей преданной и жертвенной любовью.

Ключевые слова: истина, женщина, «любовь-смерть-жизнь», философский поиск, свобода, творчество, личность.

She-Truth: The Experience of Female Gnoseologization

L.N. Shadrina

The article is an attempt to reconceive gnoseological symbol «She-Truth». She-Truth does not tempt philosophical mind, does not deprive it of its creativity. She-Truth emancipates philosophical mind, gives it creative impetus and protects philosopher's personality.

Key words: truth, female, «love-death-life», philosophical search, freedom, creativity, personality.

Принято считать, что философия – это дело Аполлона. Но под силу ли этому бесстрастному и горделивому греческому богу меры и порядка, под силу ли такой философии приблизиться к глубокой истине, к самой Истине? Ответ на этот вопрос мы находим в платоновом «Пире». В стремлении человека духовно разрешиться вечной, цельной, совершенной истиной вряд ли найдется лучший помощник, чем любовь, учит Сократа мудрая Диотима. Увы! Уроки Диотимы не были восприняты современной европейской философией. Не услышала она и августиново «люби – и делай, что хочешь».

Любовь – это призвание женщины. Женщина живет любовью до всякой влюбленности: любовью к своему будущему ребенку. «Ибо ребенок есть врожденная данность, он в нас еще до любви, до возлюбленного. Это его желание быть раскрывает наши объятия», – утверждает М. Цветаева, женственнейшая из женщин¹. Таким «ребенком» может быть и ее дитя, и ее возлюбленный, и дело, которому страстно и всецело отдается женская душа. «... Дорогой мой! Получи ди-

тя нашей любви, статью, которая и есть твой маленький сын Зигфрид», – обращается к К.Г. Юнгу Сабина Шпильрейн². Не ее ли одухотворенная, любящая душа идейно обогатила Юнга, возвысила его психоанализ до глубоких философских обобщений?

Женская любовь – это не любовь-смерть. Женская любовь – это *любовь-смерть-жизнь*. Она являет собой сочетание самой радикальной трансгрессии, характерной для состояния влюбленности, и способности к активному действию в пространственно-временном срезе бытия. Она, так сказать, и язычница, и христианка. Она – и *праздник*, дающий опыт первоначального совершенства, вписывающий отдельное в рамки целого, и целеустремленный *труд*, с присущим ему смыслом, серьезностью, концентрацией волевого усилия. Устремляясь в своей безмерности к изначальному бытию, влюбленная женщина при этом «помнит», знает *меру* человеческого в человеке, меру, имеющую отношение к миру. Момент экстатического погружения в потенциально существе плавно переходит у нее в разреживание и первичное оформление единого бытия, столь характерное для *заботливой* женской любви.

Женская любовь онтична и одновременно онтологична. Любящая соглашается с пространственно-временной реальностью, принимает ее, но, говоря ей «да», тут же произносит «но». И это «но» указывает нам на способность женского сознания непосредственно и всею целостностью своего духовно-душевно-телесного существа выходить за пределы пространственно-временного порядка и входить в соприкосновение со стоящим над эмпирическим опытом бытием. Об этом писал М. Метерлинк, тонкий знаток женской души³. Так понял женщину Ю. Лотман⁴. Непосредственно впитывая особенно-

сти своего времени, женщина – жена и мать – связана с надысторическими свойствами человека, она способна проникать туда, где находятся первоисточники, где происходит зарождение вещей.

В телесно-душевной целостности любящей женщины трансцендентное встречается с имманентным, конечное с бесконечным, сакральное с профанным, идеальное – с материальным, хаос – с порядком. Не это ли запечатлел в своей «Сикстинской Мадонне» Рафаэль? На картине Мария несет на руках свое дитя – Бога, Целое мира, которое, будучи абсолютным, нуждается в своем носителе, нуждается в любящей женщине, которая единственно способна преодолеть свою ограниченность и, что существенно, не потерять при этом своего Я.

Мы не разделяем и не противопоставляем эротизированное женское и материнское начало, как это делает, к примеру, Ю. Кристева⁵. Женщина в своей цельности – *Мать-Жена-Сестра*. «... Мое дорогое дитя, мой дорогой мальчик. Я действительно чувствую себя твоей матерью, женой, сестрой, безумной невестой (курсив мой. – Л.Ш.) – всем сразу. Я чувствую, что “вошла” в тебя навсегда, я не связана с тобой, а именно вошла в тебя и чувствую себя твоею мыслью, твоею кровью, твоей плотью, твоими намерениями, твоею волею», – пишет Гала в письме своему возлюбленному – Полю Элюару⁶.

В отличие от Ю. Кристевой, репрезентирующей материнское как нечто обратительное («*adject*»), как то, что отторгается («*матрицид*») в процессе субъективации и вхождения говорящего в знаково-символический мир культуры⁷, мы рассматриваем материнское как гарантию субъективности как таковой. Женщина-мать не угрожает отдельному, единичному, субъектному бытию, как полагает Ю. Кристева. Напротив, она *сберегает* жизнь порожденного ею существа и оставляет при этом его сознание открытым по отношению к бытийной тотальности, к той подкладке-субстанции, на которой держится все сущее. Исследователь упускает из виду, что именно благодаря телесному выражению *заботливой и нежной материнской любви* у

ребенка пробуждается способность к чувственному восприятию, к ориентации в мире вещей, звуков, красок, пространственных образов. Но не только это: кормя, пеленая, моя свое дитя с той или иной степенью интенсивности, аккуратности, нежности, женщина закладывает в нем *чувственную основу нравственного порядка жизни*, проявляющую себя как потребность в чувственно-эротическом сближении с другим⁸. Своим ласковым голосом мать пробуждает *духовное* начало, заключенное в самом инстинктивно-бессознательном ребенка. Мать, поющая колыбельную песню ребенку, начинает его истинное духовное воспитание: дух ее инстинкта пробуждает его духовность.

Будучи тайной и неисповедимой глубиной, женщина манит, но она же и участливо разделяет тревоги, радости, волнения, что выпадает из поля зрения западных философов: у Ю. Кристевой, Ж. Бодрийяра, Ж. Деррида женщина определяется либо как дурная мать, играющая и не заботящаяся о своем ребенке, либо как вечная любовница, эротичная, соблазнительная и обольстительная. Она верна и сильна. Своею верностью и верой она, слабая, помогает выстоять. «Все ученики бежали – “отреклись” от Него; верными Ему остались ученицы. Слабые жены сильнее мужей: вера Камня Петра песком рассыпалась. А вера Марии – камень. Мужественность в любви оказалась бессильной; сильною – женственность»⁹.

Мы не соотносим понятие «женское» исключительно с женским полом, ведь даже в биологическом смысле, не говоря уже о психологическом, не встречается чистой женственности или чистой мужественности. Понятие «женское» относится к той части души человека, которая характеризуется способностью к *духовному* возвышению, превосходящему пределы разума, ей свойственны самоотдача и плодовитость. Женское обнаруживается там, где *благо-говоят, благо-творят, благо-дарят*.

Всё вышесказанное позволяет наполнить понятие «Истина-Женщина» иным смысловым содержанием. Любящая Истина-Женщина не соблазняет, расставляя ловуш-

ки, как, вторя Ницше, утверждают Ж. Деррида и Ж. Бодрийяр¹⁰. Она любовно и заботливо, по-матерински, *спасает* того, кто самозабвенно ей предан. Она открывается ему настолько, насколько возможно, *безопасно* для его нравственного и душевного здоровья. И если бы была рядом с Паскалем и Ницше любящая женщина, Женщина-Истина, то их судьбы, скорее всего, не сложились бы столь трагично. Любящая Истина-Женщина *освобождает* познающего. Если бы не было Истины-Женщины, утверждающей собой тайну, то человек был бы рабом принудительной истины и невозможен был бы свободный ее поиск. Любящая Истина-Женщина *оберегает* от падения в бездну нечеловеческой свободы, оборачивающейся для человека несвободой, утратой воли, душевной болезнью. Истина-Женщина *предохраняет* от длительного зависания в междупространствии свободы-несвободы, времени-вечности, дабы сохранить в целостности человеческое Я познающего. В ней, как и в каждой любящей женщине, присутствует *материнское* начало, легко переводящее любовь-восторг, без которой невозможно творческое дерзание, в умелую, разумную и созидательную творческую любовь. *Строгая*, она заботится о нравственном здоровье человека, не позволяет ему жертвовать своей человечностью. *Мудрая*, она вселяет в познающего мужество быть субъектом свободным и ответственным и одновременно учит его смирению перед лицом всецелого бытия... Истина-Женщина – это неполное имя: **Истина-Женщина-Добро** – так полнее.

Любящая Истина-Женщина выводит познающего за пределы его частного и частичного бытия. Позволив однажды созерцать себя во всем своем совершенстве, Она порождает жажду совершенной формы. Безгреховная, Она порождает грех, грех творчества. Безвинная, Она вызывает вину, вину творца. Бесконечная, Она воплощается в конечной форме. Обращаясь к символике русской сказки, Истину-Женщину можно назвать двойным именем – Елена-Василиса. Она прекрасна, как Елена, и мудра, как Василиса. **Истина-Женщина-Добро-Красота** – это ее полное имя.

Истина-Женщина – это глубина: философская истина – ее поверхность, но поверхность и есть самый верхний слой глубины, разделяюще-соединяющая кромка, где тайное предъявляет себя, не исчерпываясь в явлении. Предъявляет лишь в той степени, в какой познающий философский ум отвечает Истине-Женщине взаимностью, принимая, любя и воплощая Ее в своем творчестве.

Любящая Истина-Женщина метафизична и телеологична. Последнее «ради чего?» имеет прямое отношение к ней. Познающий философствующий ум ограничен символическими формами, «косвенными сообщениями» (С. Кьеркегор), посредством которых Истина-Женщина дает себя познать. Но чем сильнее желание овладеть ею, чем эротичнее познающий ум, тем глубже слои считываемого с символа смыслового содержания. Глубинные же смысловые пласты открываются только духовной личности, вступившей в *брачные* отношения с возлюбленной Истиной-Женщиной.

Многосложные и запутанные поиски философской истины можно попытаться представить как различные отношения познающего мужского ума и познаваемой Истины-Женщины. Так, английский эмпиризм и картезианский рационализм, не считавшиеся с глубинной сущностью и внутренним бытием Истины-Женщины, отличались поверхностным гносеологическим «дон-жуанством». Истина-Женщина была всего лишь объектом эротических устремлений научного метода. Но подлинному унижению Истина-Женщина подверглась в философии И. Канта: философ объявил Истину *ничто*-жеством и провозгласил развод между познающим разумом и Истиной-Женщиной. Истина-Женщина оказывается в философии Канта непознаваемой «вещью-в-себе». Разум в философии принципиального холостяка Канта аутоэротичен, он вступает в любовное познавательное отношение не с Истиной-Женщиной, а с самим собою. Что же касается его оппонента Г. Гегеля, то он, подобно подростку, испугался глубины и ослепительной красоты Истины-Женщины и поспешил поскорее облечь ее в мужские одежды, сшитые диалектическим швом из логических категорий.

Разумеется, история отношений между познающим философским умом и Истиной-Женщиной не исчерпывается двумя указанными схемами. Уродливо односторонни отношения с Истиной-Женщиной и у Ницше. Его философскому уму не хватило мужественности, чтобы вступить в естественные отношения с ней. Он бросился без оглядки в объятия дурной, темной, поработавшей женственности, которая, в итоге, и заговорила от имени философа.

Философский модерн, вежливый, сдержанный и холодно-рассудочный, решительно отказывается (или неспособен) ответить взаимностью любящей Истине-Женщине, но интерактивно коммуницируя, он держит дистанцию. Но невольно впадая в мечтательное состояние, он грезит Истину-Женщину в образе учительницы «фундаментальной грамматики». В своеобразных отношениях с Истиной-Женщиной находится современная философия. Философский постмодернистский дискурс играет с ней, рассыпается перед ней метафорами и при этом тихо говорит сам себе: «Ах, какой Я хитрый философский ум. Я обойду ее, соблазну, а потом нанесу ей удар исподтишка, и она будет моей».

Наш краткий обзор был бы неполным, если бы мы обошли вниманием драматические отношения, сложившиеся между русским философским логосом и Истиной-Женщиной. Поэтичный русский логос любил цельную Истину-Женщину мистической и целомудренной любовью. Он игнорировал формы земного брака с Возлюбленной и страстно-вдохновенно устремлялся к подлинному и абсолютному соединению с «глубинной невестностью» (В. Эрн) Женщины-Истины. На что Истина-Женщина отвечала ему устами земной женщины, Элените, возлюбленной философа Л. Карсавина: «Не говорить, а целовать надо». Хотя были и исключения: например, греховный, чувственный, *физио*-логос Розанова, спустившийся с пневматологических высот. В особых отношениях с Истиной-Женщиной состоял страстный разум Ф. Достоевского, проникший в самые глубины *живой* Истины-Женщины: в земном женском он увидел Ее воплощение.

Что же касается современного отечественного философского логоса, то он не определился еще в своих отношениях с Истиной-Женщиной. Видимо, так будет продолжаться до тех пор, пока с помощью гендерных технологий он не установит свою половую идентичность.

Философ стремится к истине, но она неподатлива: истина ждет, чтобы он *полюбил* ее щедрой, жертвенной любовью. И тогда будет шанс выбрать из всех открывающихся его разуму возможностей одну-единственную, *жизненно* важную.

В европейской философской культуре в целом женской точки зрения не существовало и не существует по сей день. Женщина сама по себе, как субъект не существует: у нее нет собственного Я. «Она тепло и отраженный свет» (Г. Иванов). Все, что написано о женщине, пишется с мужской точки зрения, включая и классическую феминистскую литературу, и современную постфилософскую, где женское (материнское) теоретизируется лишь как процесс становления («транзитивное женское») субъекта, как его стадильная трансформация из сугубо биологического существа в культурно-символическое.

За различными версиями символизации женского четко просматривается какое-то глубинное *расстройство* того, что может быть названо *половым моментом европейской культурной жизни*. В одном случае это проявляется в отрицании положительной женственной сущности при непомерном возвышении отвлеченной мужественности. В другом – имеет место реактивно агрессивное самоутверждение гордых дев – амазонок. В третьем случае женское поглощает и растворяет в себе сильное и активное мужское начало. Идея любовных, брачных, ипостасных отношений между мужским и женским началами, которые можно выразить в формуле «ты – во мне, я – в тебе, мы – во Всём», европейской культуре незнакома. Такие отношения не подчиняются закону исключенного третьего, они не постижимы для мысли, вооруженной классической логикой тождества. Они не ухватываются и игровой, реверсивной логикой, в которой тонет определенное и

целое. Ключ к пониманию любовных брачных отношений между мужским и женским началами нам дает тринитарная, ипостасная логика, возникшая в византийском эллинистическом богословии и не получившая дальнейшего развития в европейской мысли¹¹. Троичная логика позволяет представить себе женское и мужское не как два полюса, а как ипостаси, аспекты единого духовного целого, в каждом из которых полностью присутствует Целое со всеми его возможностями. Сквозь призму этой логики мужское и женское символически понимается как неслиянно и нераздельно единосущные лица христианской Троицы, каждое из которых само по себе ипостасно, внутренне подвижно и текуче. Ток любви, переполняющий ипостасное женское и ипостасное мужское, заставляет их переливаться, переходить друг в друга, сохраняя при этом преимущественное выражение женского и мужского в каждом из лиц. Таким образом, представленное женское перестает быть только женским, отделившимся женским. Оно становится в то же время и мужским, не теряя при этом своей женственности.

Современной философской теории познания необходимо найти Женщину, любящую Истину-Женщину, единую, единственную, целостную и живую. Это уберезет ее

как от односторонностей туманного мистицизма, так и от самоуверенности интеллектуализма. Любящая Истина-Женщина укажет «мухе выход из метафизической мухоловки» (Л. Витгенштейн), в ней метафизика найдет свою опорную онтологическую точку.

Примечания

¹ Цветаева М. Письмо к амазонке // Эрос. Россия. Серебряный век / сост. А. Щуплов. М., 1992. С.64.

² Цит. по: Эткин А. Эрос Невозможного. СПб., 1993. С.182.

³ Метерлинк М. Сокровище смиренных. Самара, 2000. С.38–39.

⁴ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2002. С.73.

⁵ Кристева Ю. Силы ужаса : Эссе об отвращении. СПб, 2003. С.122.

⁶ Элюар П. Письма к Гала / пер. с фр. Т. Балашовой, Е. Мурашканцевой, Ю. Покровской. М., 1999. С.413.

⁷ Кристева Ю. Указ. соч.

⁸ Буркхарт Г. Непонятая чувственность // Это человек : антология / сост., вступ. ст. П.С. Гуревича. М., 1995. С.124–155.

⁹ Мережковский Д. Иисус Неизвестный. М., 2007. С.597; Деррида Ж. Шпоры: стили Ницше // Философские науки. 1991. № 3. С.114–129; Бодрийяр Ж. Соблазн. М., 2000.

¹⁰ Деррида Ж. Шпоры: стили Ницше // Философские науки. 1991. № 2. С.116–142; Бодрийяр Ж. Указ. соч. С.125–129.

¹¹ См.: Померанц Г. Выход из трансa. М.,1995. С.316–345.